Чжао Люфу в душе ликовал. Он был евнухом, и благородная супруга Сюй всегда относилась к нему с пренебрежением, в то время как императрица когда-то оказала ему огромную милость. Чжао Люфу помнил и обиды, и добро. Раньше император души не чаял в супруге Сюй, и даже если Чжао Люфу и хотел что-то предпринять, то не смел действовать опрометчиво.

Видя, что император, кажется, решил охладить пыл своей фаворитки, он твердо решил подбросить дров в огонь, чтобы костер амбиций супруги Сюй погас навсегда.

На следующий день у Шао Юя не было утреннего совещания, и он впервые за долгое время позволил себе поспать подольше. Проснувшись, он увидел, как евнух, помогавший ему одеваться, с едва заметной дрожью в руках прикрепляет к его поясу кисет, вышитый узором из играющих в воде уток-мандаринок.

Этот кисет императрица вышила еще в начале их брака, тогда как тот, что Шао Юй носил последнее время, был работой супруги Сюй. Он обвел взглядом опочивальню.

Кое-что добавилось, а кое-что исчезло.

Стало больше вещей, связанных с императрицей, а предметы, которыми часто пользовалась супруга Сюй, пропали.

Шао Юй бросил взгляд на замершего рядом Чжао Люфу. Он знал, что во всем дворце лишь у того хватит смелости на подобное. Впрочем, такие действия как раз отвечали желаниям самого Шао Юя, поэтому он не собирался наказывать евнуха за самовольство, но и оставлять это без внимания было нельзя — чтобы Чжао Люфу не возомнил лишнего.

— Этот кисет… давненько я его не видел, — проговорил Шао Юй низким голосом.

Чжао Люфу с улыбкой ответил:

— Раб посчитал, что этот кисет с уточками, вышитый Вашим Величеством… простите, государыней, — идеально сочетается с Вашим сегодняшним нарядом и еще больше подчеркивает Вашу величественную стать.

Шао Юй усмехнулся:

— Старый лис, язык у тебя что медом намазан. В покоях прибрался — стало намного свежее. В этот раз прощаю, но впредь не смей своевольничать.

Чжао Люфу испугался, поняв, что император раскусил его, но, увидев, что тот не намерен наказывать, заметно расслабился.

Утренний завтрак по-прежнему был подан по императорскому разряду, в изобилии. Шао Юй приказал отложить две тарелки с остатками еды и отправить их во дворец Цинъян к супруге

Сюй, а еще две нетронутые тарелки — во дворец Юйнин к благородной супруге Лю.

Благородная супруга Лю, приняв дар, тут же велела служанке передать евнуху, принесшему еду, кисет и тихо спросила:

— Маленький евнух, ты не знаешь, почему Его Величество пожаловал нам трапезу и кому еще он отправил угощение?

Раздача императорских блюд не была тайной, и евнух охотно все выложил.

К этому времени благородная супруга Лю уже позавтракала, но, раз уж прислали угощение, отказаться она не могла, как и отдать его слугам. С кислой миной ей пришлось съесть обе тарелки.

Она вспомнила весть, которую вчера вечером прислал из дома ее дед Лю Да: похоже, император решил взяться за ум. А сегодняшние дары, посланные только ей и супруге Сюй? Супруга Сюй — любимица императора, а сама она всегда была обделена вниманием. Неужели это внезапное расположение означает, что император хочет приблизить клан Лю?

В отличие от рассудительной благородной супруги Лю, супруга Сюй, увидев две тарелки с объедками, была в ярости. Вспомнив вчерашний холодный прием, она восприняла этот жест как намеренное унижение. В ее сердце гнев смешивался с тревогой.

Ее семья не была знатной, и единственной опорой была любовь императора. Опираясь на Шао Юя, она вела себя в гареме как хотела, не ставя ни во что даже императрицу. Она не могла представить, что с ней будет, если она когда-нибудь лишится его благосклонности.

— Неужели я теряю его любовь? Разве Его Величество когда-нибудь так издевался надо мной? Даже вчера избегал встречи.

— Государыня, будьте осторожны в словах.

Данцуй, служанка, приехавшая вместе с супругой Сюй из дома, испуганно огляделась и, выпроводив остальных, продолжила:

— Это явно знак особого внимания! Другие наложницы о таком и мечтать не могут, это счастье. Зачем же Вы себя так изводите?

Супруга Сюй недовольно бросила:

— Присылать остатки еды… В моем родном доме так мать унижала наложниц отца.

— Ох, моя госпожа! Кто такой Его Величество? Откуда ему знать о женских интригах в задних покоях? Как Вы можете так думать о нем? Слышала, вчера премьер Лю весь день провел в

аудиенции у императора. Сегодня, кроме Вас, угощение получила только благородная супруга Лю. Она — потому что император хочет использовать премьера, а Вы — потому что он дорожит Вами! Эти тарелки хоть и наполовину пусты, но подумайте, кто их ел? Очевидно, император хотел разделить с Вами трапезу, он думает о Вас, поэтому и сделал так. У благородной супруги Лю такой удачи нет.

— Вчера Его Величество не избегал встречи, он был занят делами. Говорят, премьер Лю просидел во дворце Циньчжэн весь день. Очевидно, император был слишком занят, чтобы навестить Вас.

Данцуй ценили именно за ее подвешенный язык. После такой промывки мозгов супруга Сюй поверила в эту небылицу и тут же велела своей кухне приготовить суп из лотоса и лилий, намереваясь лично отнести его во дворец Циньчжэн.

Однако, добравшись туда, она узнала, что император уже отправился во дворец Куньнин, где живет императрица.

— Неизвестно, какими средствами она его приворожила, — выругалась супруга Сюй и, разочарованная, вернулась обратно.

Императрица Гу Юньшу, хоть и была дочерью великого генерала Гу, совсем не походила на дочь военного. Она была кроткой и послушной. Будучи императрицей, она терпела холод со стороны мужа: он отменил утренние поклоны наложниц, власть в гареме перешла к супруге Сюй, даже Печать Феникса была у той в руках.

Почти вся власть императрицы была урезана, но она не жаловалась ни мужу, ни своей семье.

Такая мягкотелость раздражала Шао Юя. В двух предыдущих мирах его жены были похожи, но у них хотя бы были свои амбиции. А эта императрица была слишком мягкой — в гареме, где людей едят живьем, ее погубят в два счета.

Войдя во дворец Куньнин, Шао Юй приказал не докладывать о его приходе. Он на цыпочках прошел во внутренние покои — не из желания подглядеть, а чтобы увидеть другую сторону этой женщины.

Императрица не пользовалась его расположением, и все, что он знал о ней из памяти оригинала, — это бледное, покорное лицо, лишенное всякой индивидуальности.

Перед его глазами предстала молодая женщина, увлеченно рисующая картину. На ней не было яркого макияжа. Служанка, заметившая Шао Юя, хотела подать знак, но он жестом остановил ее, и та бесшумно удалилась.

Шао Юй молча наблюдал, как она уверенными мазками завершает работу. На картине был

изображен не вид императорского сада, а пейзаж, который, несмотря на красоту, навевал тоску.

— Прекрасная работа. Позволишь ли ты мне забрать ее себе? — спросил Шао Юй.

Гу Юньшу лишь тогда заметила, что в комнате кто-то есть. Она поспешно поклонилась, но в ее глазах не было радости.

Шао Юй помог ей подняться и снова посмотрел на картину:

— Твое мастерство не уступает придворным художникам.

— Если Вашему Величеству не претит, я велю оформить ее и прислать, — голос ее был мягким, но в нем сквозило отчуждение.

Шао Юй задумался и понял: причина в прежнем поведении оригинала. На душе у него полегчало — кажется, она не такая уж бесхребетная.

— У тебя здесь тихо, — Шао Юй по-хозяйски уселся на стул и сам налил себе чаю.

Гу Юньшу села поодаль и тихо произнесла:

— Спасибо Вашему Величеству за то, что отменили утренние приветствия наложниц, благодаря этому я могу наслаждаться покоем.

Видя ее спокойствие и отсутствие жалоб, Шао Юй усомнился в своем прежнем выводе о том, что она — кроткая и верная жена. Неужели он ошибся?

— Супруга Сюй управляет гаремом, но это не подобает ее статусу. У тебя все равно много свободного времени, может, я велю ей вернуть Печать Феникса? — прощупал почву Шао Юй.

— Супруга Сюй прекрасно справляется с делами, все идет своим чередом. Зачем Вашему Величеству создавать лишние хлопоты?

Видя, что она совершенно не расстроена и, кажется, искренне не хочет заниматься делами, Шао Юй понял: она не покорная, она просто «буддистка», которой лень что-либо менять.

Шао Юй быстро сообразил, почему в оригинальном сюжете императрицу ждал такой конец: супруга Сюй давила на нее, а пассивность императрицы привела к заточению в холодный дворец. Когда мятежники ворвались во дворец, ей ничего не оставалось, кроме как покончить с собой.

Ему стало смешно. Оказывается, самопожертвование, в которое верил оригинал, было лишь его фантазией!

Императрица, которая своей пассивностью довела себя до гибели, и император, который своим развратом погубил империю. Шао Юй подумал, что они стоят друг друга. К оригиналу он не чувствовал жалости — тот действительно был виноват перед Гу Юньшу, ведь она не сделала ничего дурного, лишь отступала шаг за шагом, пока не оказалась в холодном дворце, а ее родные не пострадали.

Желание жить хорошо — естественно. Гу Юньшу была ленивой и не любила проблем, поэтому ее границы постоянно сдвигались. Но никому не нравится, когда на них давят, и она не исключение. Просто она умела подстраиваться.

С таким настроем на троне не усидеть.

— Ты очень любишь рисовать? — спросил Шао Юй.

Гу Юньшу помедлила:

— Да.

Шао Юй прикинул варианты:

— Если бы у тебя был выбор, что бы ты предпочла: всю жизнь рисовать то, что любишь, и жить, как вольный странник, или управлять шестью дворцами, будучи матерью нации, и вкусить земных благ?

Гу Юньшу замерла:

— Почему Ваше Величество спрашивает об этом? Я уже Ваша императрица, что тут менять?

— А если бы тебе дали шанс выбрать заново?

Гу Юньшу смотрела на него. В глазах этого чужого, холодного мужа сейчас читались искренность, терпимость и даже намек на любовь. Она опустила голову. Ее «буддизм» не был беспричинным — это был выбор, продиктованный отношением императора. Отношением, в котором было лишь давление, пренебрежение и ни капли заботы.

Она покачала головой:

— Сегодня Вы кажетесь другим.

— Ты не ответила на вопрос, — настаивал Шао Юй.

Гу Юньшу усмехнулась:

— Вы шутите. У меня никогда не было выбора.

Словно прорвало плотину — в сердце той, кто всегда была безучастна, таилась обида.

— Покойный император хотел, чтобы Вы укрепились на троне, а я — единственная законная дочь генерала. Как бы я ни хотела, мне суждено было выйти за Вас. Вы любили супругу Сюй и хотели сделать ее императрицей, поэтому, что бы я ни делала, я стояла у нее на пути.

Шао Юй опешил:

— И ты смирилась с тем, что тобой так распорядились?

В голосе Гу Юньшу сквозила безнадежность:

— А что я могла сделать? Разве я не хотела семейного счастья? Но все предопределено судьбой, и мы не властны над ней.

— Судьбой? — Шао Юй нахмурился. — Ты даже не пыталась бороться, почему так легко поверила в судьбу?

Бороться? Гу Юньшу подумала, что борьба привела бы лишь к еще более страшным последствиям. Она пристально посмотрела на него:

— Вы не похожи на человека, способного на такой откровенный разговор.

— Мне приснился сон, — сказал Шао Юй. Он не мог раскрыть правду о своей миссии, но не мог и смотреть, как она плывет по течению навстречу смерти.

Он мог защитить ее сейчас, но не всю жизнь. Он мог отпустить ее из дворца, но с таким характером она не справится с трудностями и на воле. Ее «буддизм» — это лишь трусость, страх взглянуть в лицо судьбе.

В комнате не было никого. Шао Юй, видя изумление на лице Гу Юньшу, под предлогом сна рассказал ей о грядущем финале.

— Крах семьи, смерть в холодном дворце… Похоже на правду, — усмехнулась она. Она не сомневалась, что он лжет — зачем императору тратить столько сил, чтобы разыгрывать такую как она?

Она была дочерью генерала, но мать ее умерла рано, а мачеха всегда видела в ней помеху. В родном доме ей жилось хуже, чем приживалкам. Нянька учила ее терпеть и приспосабливаться — только так можно было выжить. Она жила как перепелка, пока не вышла

замуж. С худшими картами на руках она вела самую тяжелую битву. Столкнувшись с интригами гарема, она продолжила прятаться. Без уважения мужа ей было невыносимо, и она отступала до тех пор, пока не лишилась Печати Феникса и не стала мишенью для каждой наложницы.

Она знала, что выбора у нее нет. Даже если бы она сбежала, судьба настигла бы ее. Так лучше уж плыть по течению. Она считала это мудростью, но сегодня Шао Юй разбил ее панцирь.

— Зачем Вы мне это говорите? — глаза Гу Юньшу покраснели.

— Тот сон открыл мне глаза на всю нечисть в гареме. И я понял, что в конце концов лишь ты была готова умереть вместе со мной. Видимо, ты не так уж равнодушна ко мне.

Он надеялся зажечь в ней искру борьбы. Он не боялся последствий — он император, никто не посмеет его тронуть.

Гу Юньшу прямо ответила:

— Если бы дворец пал, я бы покончила с собой лишь для того, чтобы избежать позора, а не ради того, чтобы умереть вместе с Вами.

Шао Юй зауважал эту женщину. Перед лицом императора, предлагающего ей благосклонность, она осталась непреклонной. Это было благородство иного рода.

— Сегодня ты открылась мне с новой стороны, — Шао Юй помолчал. — Императрица, отступая шаг за шагом, ты в конце концов окажешься в тупике. Если финал так печален, почему бы не рискнуть? По крайней мере, сейчас я на твоей стороне.

— Ваши мысли меняются мгновенно, я не могу быть уверена, что Вы всегда будете на моей стороне, — сказала Гу Юньшу.

Шао Юй указал на картину на стене:

— Ты любишь рисовать и должна жить в роскоши, но в покоях императрицы висит лишь подделка «Весеннего пейзажа Западных гор». Сегодня есть шанс: в моей личной сокровищнице хранится оригинал. Если ты поборешься — картина будет твоей. Если будешь бездействовать — она достанется другой. Время не ждет, такие возможности выпадают раз в жизни. Чтобы получить следующую, нужно постараться.

Не дав ей ответить, он добавил:

— Императрица, стоять высоко — значит видеть далеко. Если лежать в подножии горы, не удивляйся, что каждый будет пытаться тебя растоптать.

Если даже после такого намека она продолжит играть в «буддистку», он умоет руки. Просто отправит ее из дворца под охраной тайных стражей — это будет считаться выполненной миссией, хотя на душе останется неприятный осадок.

Долгое время спустя Гу Юньшу произнесла:

— Я люблю живопись. Прошу, Ваше Величество, подарите мне ее.

Шао Юй улыбнулся:

— Печать Феникса вернется к тебе вместе с картиной.

Спина Гу Юньшу, до этого слегка сгорбленная, выпрямилась:

— Я издам указ для шести дворцов: всем наложницам надлежит соблюдать прежние правила и возобновить утренние поклоны.

— Отлично.

Когда Чжао Люфу пришел во дворец Цинъян с приказом императора забрать Печать Феникса, супруга Сюй не могла поверить своим ушам.

— Что ты сказал? Как он мог так поступить? Ты ослышался? — ее глаза округлились, она была готова разразиться проклятиями.

— Госпожа, воля Его Величества ясна. Я не посмел бы лгать. Прошу, отдайте печать, не усложняйте мне жизнь.

Чжао Люфу сам был удивлен таким переменам после визита императора во дворец Куньнин. Он с надеждой подумал: неужели тот кисет действительно сработал?

Супруга Сюй не слушала:

— Я посмотрю, каким зельем императрица опоила Его Величество!

Она не стала ждать и, даже не взглянув на евнуха, в ярости направилась во дворец Куньнин.

— Где императрица? Где она? — она растолкала слуг и ворвалась внутрь.

Императрица сидела в кабинете, перед ней лежала книга счетов, а позади стояла пожилая нянюшка.

— Императрица, не получив любви мужчины, ты решила действовать исподтишка? Ты

заслуживаешь того, чтобы всю жизнь быть в немилости! — кричала супруга Сюй.

Нянюшка Чжан, стоявшая рядом, невозмутимо поклонилась:

— Обсуждение дел императрицы — тяжкий грех. Прошу, будьте осторожны в словах.

Супруга Сюй оттолкнула ее:

— Кто ты такая? Даже императрица не смеет так со мной разговаривать!

— Нянюшка Чжан, — внезапно позвала Гу Юньшу.

Та поспешно отозвалась.

— Потрудись объяснить супруге Сюй, как наложница должна приветствовать императрицу, — голос Гу Юньшу стал тверже.

Супруга Сюй усмехнулась:

— Теперь, когда ты почти вернула печать, у тебя появился голос? Посмотрим, сколько дней император будет тебя защищать!

Императрица взглянула на нее:

— Почти вернула? Это всегда было мое.

— Какое право ты имеешь на Печать Феникса!

Гу Юньшу не отступила ни на шаг:

— По праву императрицы, пожалованной самим государем. Нянюшка Чжан, научи ее поклонам.

— Госпожа, посмотрите на меня, вот так надо кланяться, — начала нянюшка.

Супруга Сюй закатила глаза, выхватила из-за пазухи печать и швырнула ее в императрицу:

— Раз так хочешь — забирай! Но когда через пару дней будешь возвращать ее мне, не плачь слишком громко.

Сказав это, она задрала голову и, не оглядываясь, вышла вон.

http://bllate.org/book/25708/3072695